

Глава 7. Визит

Перед Цинь Лэ всплыла полупрозрачная системная панель. На ней красовались две иконки: одна изображала самого Цинь Лэ в образе выбранного им мэра, а вторая — белобородого старца в фиолетовой мантии, который ловко перебирал пальцами россыпь склянок причудливой формы. Над обоими аватарами висели разноцветные облачка диалогов.

В фиолетовом облачке над головой старика поплыли слова:

— Приветствую, мой дорогой друг! Я — торговец магическими зельями, зовут меня Хари. Я хотел бы заказать у тебя партию отборных шампанских роз.

Цинь Лэ быстро настучал ответ на экранной клавиатуре:

— Шампанские розы? Вы уверены? Боюсь, тут я не могу вам помочь — мэр соседнего городка уже забронировал их для экстренной свадебной церемонии.

Цинь Лэ не знал наверняка, обладает ли его собеседник таким же «читом», как он сам. В оригинальном «Городке мечты» никаких торговцев зельями не водилось, но, играя в эту странную версию игры, Лэ-лэ не рисковал гадать, был ли Хари игровым NPC или кем-то иным. Оставалось только плыть по течению.

— Понимаю, это не слишком вежливо с моей стороны, — заполнились строки в фиолетовом облачке, — но у меня действительно чрезвычайная ситуация. Поля опустошают полчища саранчи, урожай гибнет на корню. Мне нужны шампанские розы для приготовления состава. Видишь ли, я не только торговец, но и магистр алхимии. Если добавить лепестки этих роз в моё растительное зелье, эффективность уничтожения вредителей вырастет на целых двадцать процентов!

— Растительное зелье?

— Именно. Моя собственная разработка. Убивает до половины известных паразитов и болезней растений.

Заметив интерес Цинь Лэ, Хари принялся всю расхваливать достоинства своего эликсира. Чтобы не быть голословным, он тут же выставил на обмен два пробных флакона в подарок.

Цинь Лэ нажал «Извлечь», и на его ладони легли две бутылочки, напоминающие флаконы для эфирных масел. Прозрачное стекло было обито изящным зелёным узором, а внутри плескалась нежно-изумрудная жидкость. Следуя инструкциям Хари, Лэ-лэ с помощью встроенной в пробку пипетки набрал каплю и капнул на куст розы, который бабушка выращивала во дворе.

Прямо на глазах с куста посыпалась труха — дохлые мелкие насекомые градом падали на землю. Цинь Лэ и Шэнь Минлян невольно отшатнулись, поражённые мощью алхимического состава. Если бы Хари на их глазах не отхлебнул из флакона сам, Цинь Лэ ни за что не поверил бы, что этот убойный инсектицид в мире мага считается ещё и лекарством от кишечных паразитов! Глядя на демонстрацию «дегустации» алхимика, друзья просто лишились дара речи.

— Свадьба соседнего мэра — дело важное, но я не могу допустить, чтобы ваш народ голодал из-за саранчи, — напечатал Цинь Лэ. — Пожалуй, я выделю вам все излишки шампанских роз ради спасения ваших земель. Однако надеюсь на равноценный обмен — мне нужно ваше растительное зелье.

[Системное уведомление:]

[Уровень симпатии алхимика Хари повысился на 20%]

[Отношения: Обычные → Дружеские]

[Персонаж может быть добавлен в список друзей!]

Хари, не ожидавший такой щедрости, едва не заплясал от радости и тут же согласился на все условия. Наварить растительного зелья для него было делом пяти минут, сущими пустяками.

— Благодарю тебя, мой дорогой друг! И вдогонку я бы хотел оставить ещё один заказ. Из-за нашествия саранчи цены на зерно взлетели до небес, поэтому мне очень нужны две сотни булок хлеба.

Хлеб? Если бы Хари не напомнил, Цинь Лэ и думать об этом забыл. В его понимании сухая булка и в подмётки не годилась пышному, мягкому домашнему маньтоу. Особенно если взять пшеницу из игры, да отдать в умелые руки бабушки Цинь, чтобы та скрутила ароматные солоноватые цветочные рулеты «хуаньцзюань»... Таких Лэ-лэ мог за раз уплести штуки три, так что на магазинный хлеб он даже не смотрел. Кухонная пекарня работала вхолостую, и Цинь Лэ просто игнорировал этот раздел.

— Хорошо, две сотни булок. Оформляйте заказ, у меня как раз есть запасы на складе.

Хари рассыпался в благодарностях, оставил ещё несколько подарков и исчез с экрана.

Завершив сделку и получив оплату, Цинь Лэ ради интереса вытащил из инвентаря две буханки. Хоть он и не жаловал выпечку, но системные продукты всегда отличались безупречным качеством — стоило попробовать.

Мягкие булки размером с мужскую ладонь источали густой, пьянящий аромат свежесмолотого

зерна. Запах мгновенно заполнил комнату, соблазняя откусить кусочек. Хлеб оказался в меру солёным, пористым и невероятно нежным — двое взрослых мужчин расправились с ним в три укуса.

Шэнь Минлян беззастенчиво облизнулся.

— Вкусно-то вкусно, только сытости никакой. Два раза куснул — и нет ничего. Что ел, что музыку слушал.

Цинь Лэ согласно кивнул и вывалил на стол все запасы хлеба со склада.

— На, держи. Не говори потом, что я тебе не помогаю подлизываться к будущим родственникам. — Сяо Лэ осёкся, поняв, что ляпнул лишнего, и едва не прикусил язык. — Тьфу ты, каким ещё родственникам со стороны жены? Шурины, золовки... Со стороны мужа!

Видя, как Цинь Лэ ошетинился от собственной оговорки, обычно невозмутимый Шэнь Минлян не выдержал и расхохотался, завалившись на диван. Его «сокровище» вечно пыталось доминировать на словах, не желая признавать своё положение «младшего» в отношениях, и такая оплошность случилась впервые.

Глядя на Минляна, который буквально корчился от смеха, Цинь Лэ вскипел. Он бросился на него и принялся нещадно щекотать:

— Смешно тебе?! Ещё посмейся! Я те устрою «смешно до упаду»!

— Всё, сдаюсь, сдаюсь! — Шэнь Минлян, который панически боялся щекотки, замахал руками, моля о пощаде. — Радость моя, жизнь моя, виноват! Больше не буду, честное слово!

Цинь Лэ по-королевски фыркнул:

— На первый раз прощаю. Хуаньхуань и Иньин скоро вернутся из школы. Забирай хлеб и пошли к тётке Лани.

Дом второй тётки стоял прямо за домом дедушки и бабушки. В своё время это жильё досталось им по дешёвке: прежние хозяева решили перебраться в город, сменили прописку и распродавали имущество за бесценок.

Второй дядя тогда выдержал нешуточную конкуренцию, и даже дедушке Цинь пришлось замолвить словечко перед продавцами. За эти годы на ремонт и технику ушла уйма денег, семья залезла в долги. Тётя Лань была классической деревенской женщиной: забота о стариках, детях, хозяйство — всё лежало на ней, пока муж вкалывал. Несмотря на помощь родни, жили они очень натянато, считая каждую копейку.

— Лэ-лэ пришёл? Заходите, присаживайтесь!

Тётя Лань до сих пор не до конца понимала отношения Цинь Лэ и Шэнь Минляна. С её точки зрения, хороший парень просто сбился с пути, поэтому к гостю она относилась прохладно и натянуто, лишь вежливо кивнув ему.

Цинь Лэ не обижался. Он понимал, что коренным деревенским жителям трудно принять такие вещи, и не пытался силой переделать их мировоззрение. К тому же, за вычетом этого момента, тётя относилась к нему прекрасно, почти как к собственному сыну.

Они по-свойски устроились на диване, и Шэнь Минлян выложил хлеб на журнальный столик:

— Это для Хуаньхуань и Инъин.

Тётя Лань не ожидала, что Шэнь Минлян проявит такую заботу о детях. В их доме сладости и деликатесы были редкостью: дочери, какими бы лакомками ни были, стоило им заметить малейшую тень сомнения на лице матери, тут же послушно отказывались от просьб. Лёд в сердце тёти начал подтаивать.

— Спасибо тебе, Сяо Шэнь. От лица девочек — большое спасибо!

Цинь Лэ небрежно махнул рукой:

— Да чего там, тётя! Он у нас живёт, у нас ест, так что пара булок хлеба — пустяки.

Шэнь Минлян бросил на него обожающий взгляд и подхватил:

— Лэ-лэ прав, не стоит благодарностей. У моего друга своя пекарня, так что если Хуаньхуань или Инъин захотят ещё, пусть просто заходят ко мне, я всегда дам.

Они перекинулись ещё парой общих фраз и вскоре ушли. Четыре года назад Цинь Лэ, возможно, вспылил бы из-за холодности родных, но сейчас он понимал: взаимное терпение и время — вот путь к настоящему принятию.

Однако вечером порог их дома переступил тот, кого они совсем не ожидали увидеть.

— Второй дядя? Вы как здесь?

Последние несколько дней Цинь Лэ почти не видел дядю Чжижэня. Бабушка говорила, что того повысили до бригадира: начальство возлагало большие надежды, ответственности прибавилось, и дядя пропадал на работе до полуночи, без выходных и праздников.

На самом деле дядя Чжижэнь отчасти избегал встречи. Именно он в своё время резче всех отреагировал на «новость» Цинь Лэ, даже отвесил племяннику пощёчину, после которой тот сбежал, оставив записку. Дядя долго корил себя за ту вспыльчивость и теперь просто не знал, как смотреть парню в глаза.

Цинь Чжижэнь сглотнул, пересиливая себя:

— Лэ-лэ... Я это... На самом деле я к Шэнь Минляну пришёл.

— Ко мне? — удивился Минлян. Второй дядя значил для Цинь Лэ не меньше, чем отец, — фактически, это был «второй тесть». Медлить было нельзя. — Дядя, говорите, что нужно. Чем смогу — помогу.

Дяде было неловко просить этого «непонятного» избранника племянника, но, вспомнив о долгах и о том, какими счастливыми выглядели дочери, уплетая тот хлеб, он решился:

— Послушай, Минлян... Я человек прямой, юлить не умею. Я хотел бы закупать хлеб у твоего друга. Хотим открыть в посёлке пекарню. Моя жена когда-то работала кондитером, но потом... сам знаешь, в нашем уезде уровень жизни не тот, что в столицах, таланты её завяли. А сейчас...

— В общем, я хочу вспомнить старое ремесло, — подхватила вошедшая следом тётя Лань. — Девочкам скоро в старшую школу, расходы вырастут — и за учёбу, и за жильё. Мы хотим дать им достойную жизнь.

Цинь Лэ бешено замигал Шэнь Минляну: «Соглашайся! Живо соглашайся!»

«Верный пёс» Шэнь, для которого приказ «жены» был законом, тут же радостно закивал, мгновенно завоевав симпатию всего семейства Цинь.

Завтра определённо будет отличная погода — эта мысль одновременно пришла в голову и Цинь Лэ, и Шэнь Минляну.

<http://bllate.org/book/17507/1653386>